

Примечания

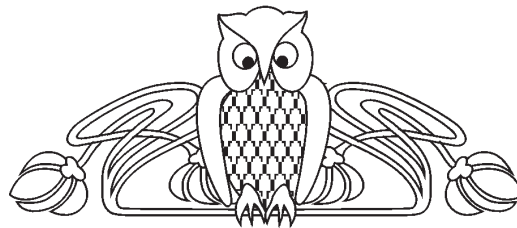
- 1 См.: Дегтярёв А. А. Политическая власть как регулятивный механизм социального общения // Полис. 1996. № 3. С. 109.
- 2 Луман Н. Власть / пер. с нем. А. Антоновского. М., 2001. С. 25.
- 3 Кравченко В. И. Власть и коммуникация : проблемы взаимодействия в информационном обществе. СПб., 2003. С.109.
- 4 Ахиезер А. Россия : критика исторического опыта. Новосибирск, 1998. С. 210.
- 5 См.: Giddens A. The Consequences of Modernity. Cambridge, 1990. P. 200.
- 6 Стризое А. Л. Власть риска и риски власти // Власть. 2012. № 3. С.19.

УДК 001:1+7:1

СИМВОЛИЧЕСКИЙ ХАРАКТЕР СОЗНАНИЯ В АСПЕКТЕ ТВОРЧЕСТВА

В. М. Дармограй

Саратовский государственный университет
E-mail: ekaterinadar@mail.ru

В статье рассматривается проблема сущностных характеристик сознания, вне понимания которого невозможно осмыслить условия и предпосылки, способствующие творчеству. Показано, что сознание можно представить только в контексте потенциала, возможности или готовности к реализации, а сама реализация или активность сознания является уже новым качественным состоянием, которое определяется как мышление, поэтому сознание можно обозначить только посредством символа.

Ключевые слова: сознание, возможность, вероятность, действительность, свобода, «фокус» сознания, аксиологическая и смысловая матрица.

Symbolic Nature of Consciousness in the Aspect of Creativity

V. M. Darmogray

The article deals with the problem of the essential characteristics of consciousness. It is impossible to comprehend the premise of creativity without understanding that. Consciousness can be represented only in the context of potential. The activity of consciousness is a new qualitative state of mind which is defined as thinking. As a result, consciousness can be defined only by the symbol.

Key words: consciousness, possibility, probability, reality, freedom, the focus of consciousness, axiological and semantic matrix.

Предельно общая и относительно простая схема (или модель) творчества может быть представлена как хаос–порядок, где хаос метафорически символизирует сам процесс творчества, его таинство, непостижимость, проблемность. Творческий процесс связан с сознанием, мышлением, условной единицей измерения или описания которых может быть хронотоп, где хронос символизирует временные параметры творческого процесса, а топос – пространственные. Однако подобные рассуждения предполагают обоснова-

ние сущности сознания или точки зрения автора относительно определения сознания, иначе все выводы по поводу творчества как бы повиснут в пустоте. Мы считаем, что понимание сознания как некоего объекта, подлежащего исследованию, не имеет под собой никаких оснований, так как сознание есть временная (длящаяся) форма субъективного характера, которую в принципе невозможно абстрагировать от содержания, на которое направлено сознание. Эта направленность есть интенциональность, «высвечивающая» объект (предмет) исследования. Отсюда несостоятельны концепции сознания, сводящие этот феномен только к состоянию психической жизни индивида, хотя, безусловно, сознание связано с психикой, как и с субстратной основой, т. е. с мозгом. Но сводить сознание только к условиям, к предпосылкам несостоятельно. Активная субъективная форма как психическое состояние предполагает еще и нейродинамический уровень и далее – квантовый (процесс мышления как целесообразная селекция квантовых альтернатив – Е. И. Иванов).

Продолжать подобную редукцию можно до бесконечности, а вот процессы, связанные со становлением и развитием субъективной формы или с субъективным переживанием – осмыслением событий как внешнего, так и внутреннего мира без акцентирования на содержании, которое может касаться природы, культуры, своего отношения к этим объектам, включая и состояния субъективного характера (познавательные, аксиологические, эвристические и другие), – заслуживают внимания, так как речь идёт об универсальной форме субъективного характера, которая, существуя потенциально, активизируется по мере становления интенциональности. Безусловно, поста-

вить границы между становлением и развитием субъективной внутренней формы и содержанием, на которое направлена интенция сознания, невозможно, так как от степени формирования внутренней формы зависит понимание содержания, на которое нацелен «фокус» сознания.

Давно известно, что форма есть внешнее выражение содержания, т. е. форма содержательна, а содержание оформлено. Все попытки осмыслить феномен сознания посредством только самого сознания сводились лишь к констатации самости или априорных первичных форм, которые предельно абстрактны. Инструментарий такой субъективной формы зависит от сферы культуры, в рамках которой субъект постигает, усваивает, изменяет или конструирует некое содержание. В мифологии это – символ, в науке – понятия, складывающиеся в рационально-логические формы (силлогизмы), в философии – категории, в искусстве – особые языки или художественные средства выразительности, посредством которых личность творит художественный образ.

Сознание всегда связано с конкретным субъектом, причём таким субъектом может быть не только определённая личность, но и творческий коллектив, отвлечённые или абстрагированные субъекты, претендующие на абсолют (платоновские идеи, Творец, абсолютная идея). Что касается артефактов культуры, то здесь мы имеем дело с продуктами, с результатами творческого мышления или с результатами активности сознания. Эти продукты (к примеру, тексты) могут спровоцировать, активизировать новые творческие акты сознания, а могут оставаться только потенциалами подобных актов.

Далее, когда мы говорим о сознании, то прибегаем к метафоре или к символизации, так как невозможно отделить сознание от его содержательной проекции. Так, информационный аспект сознания подразумевает информационное воздействие на сознание. Е. Д. Павлова, к примеру, пишет: «Под термином информационное воздействие на сознание условимся понимать процесс изменения смыслов (знаний, мнений, представлений, понятий, суждений личности и т.д.) посредством трансформации информационной матрицы сознания»¹.

Информационная матрица сознания предполагает уже готовый проект сознания с содержанием определённого характера, доминанту информации, обладающую аксиологическим статусом. Кроме того, подобная матрица обладает творческим потенциалом. Она как информационный образ мира представляет собой открытую систему, обладающую таким количеством степеней свободы, которое позволяет воспринимать, усваивать, перерабатывать информационные потоки внешней среды, сохраняя при этом достаточную меру устойчивости в этой среде и

способность к рефлексивному анализу и вследствие этого – способностью к саморазвитию, к качественному самоизменению в соответствии с вызовами внешнего или внутреннего характера. Открытая система, сохраняя системные свойства, содержит методологические формы, посредством которых осуществляются отбор, селекция, систематизация поступающей информации. Память является механизмом воспроизводства необходимой информационной матрицы или её фрагмента для его превращения в инструментарий гносеологического или аксиологического характера. Все эти процессы происходят при функционировании сознания, т. е. мышления.

Сознание, его структуру можно исследовать только метафорически, если принять условно за его структурные единицы или признаки некую знаковую систему в форме символов. В этой связи М. К. Мамардашвили и А. М. Пятигорский заметили: «Мы договорились, что эмпирически найденный факт сознания мы в общем случае не можем однозначно соотносить со структурой сознания. Мы не можем также и само наше метарассуждение соотнести со структурой сознания. Но каждый этап нашего метарассуждения, с одной стороны, является фактом сознания, а с другой – что особенно важно – соответствует определённым состояниям сознания. Таким образом, становится возможным представление о, своего рода, однонаправленной семиотической связи: структуры сознания, будущие структуры, неструктуры, отсутствие структур или отсутствие фактов на данном этапе метарассуждения могут полагаться знаками состояния сознания. Но не наоборот, мы не можем идти от состояния сознания к содержательности сознания, поскольку её мы рассматриваем как постоянную возможность состояния сознания»².

Ключевым понятием относительно того, что понимается под сознанием, являются его возможные состояния и формы или их гипотетические интерпретации в символической форме. Форма интерпретации универсально выражена в языках, логике, образах, символах, т. е. во всех средствах, которые могут усваивать, перерабатывать, понимать информацию относительно объективного и субъективного мира личности. Таким образом, в качестве факта сознания мы принимаем гипотетическую (возможную) интерпретацию информации, поступающую в результате личностного внешнего (эмпирического) и внутреннего (трансцендентального) опыта личностного характера. Однако гипотетическая интерпретация возможного опыта, выраженная в символах, может представлять и конечный результат сознания, а не само сознание. Более корректное определение понятия сознания может быть сформулировано как осознание (посредством рефлексии) наличия внутри моего телесного и духовного мира

трансцендентального субъекта как потенциала моих духовных способностей, возможностей. Осознание является следствием оценки моего общего и профессионального уровня духовной культуры, моей предрасположенности (способности) к использованию этого потенциала для решения творческих задач. Сложность состоит в том, что подобную активную форму трудно идентифицировать в возможности её развёртывания или проявления. Как только подобная форма активизируется, она сразу же принимает облик содержательной формы, или формы проявления содержания предмета (объекта), на которую направлен фокус сознания. Сам процесс развёртывания этой формы уводит меня от понимания сознания и подменяет содержанием предмет исследования. То, чего нет в реальности (даже виртуальной), а есть только в возможности (как потенциал), трудно исследовать. Конечно, я могу представить гипотетические сценарии, но эти сценарии неизбежно будут содержательными.

Сознание можно определить как субъективно осмысленный духовный потенциал (с интеллектуальной, т. е. рационально-логической доминантой в сфере науки или с эмоционально-образной – в сфере художественной культуры), объективация которого в принципе невозможна в силу того, что (как говорят физики) масса покоя сознания равна нулю. Сознание как таковое не имеет субстратной основы, хотя материальные условия, предпосылки, безусловно, есть (они общеизвестны), поэтому сознание есть знание относительно собственного духовного потенциала или осознание своих творческих способностей. Вначале этот процесс осознания может происходить в форме внутреннего диалога, причём необязательно с применением языка, который является инструментом, оформляющим внешнюю речь или текст. А. Эйнштейн утверждал, что новая концепция теоретического характера приходит к нему помимо языкового оформления, как глубинное понимание, которое потом оформляется с помощью языка. «Эти мысли, – вспоминал учёный, – возникли не в какой-то вербальной форме. Я вообще очень редко думаю словами. Приходит мысль, а потом я могу попытаться выразить её словами»³. Психологи выдвигают версию вторичного внутреннего образа, который может актуализироваться из онтогенеза – из древних пластов генетической памяти. А. А. Гостев считает: «Познавательная и регулятивная сила “внутренней образности” понятна: образы являются самым древним языком психики, связанным с допонятийным мышлением. И в онтогенезе до овладения речью индивидуальный опыт “записывается” в образной форме. Поэтому через образы становится возможным проникновение в хранилища опыта, недоступные понятийному познанию. Образы на этом глубинном уровне формируют своеобразные “матрицы”, участвующие

в психической регуляции. В результате образ становится произвольной или непроизвольной программой для изменения существующих обстоятельств, для реализации желаемого или нежелательного»⁴.

Здесь напрашивается версия творческой интуиции как внезапного озарения, «схватывания», мгновенного понимания. С одной стороны, не следует забывать, что способность к творческой интуиции развивается постепенно и именно язык как знаковая система является смыслообразующим инструментарием учёного. Иными словами, только в «поле» языка возможно становление новых смыслов и их понимание. С другой стороны, язык как символическая репрезентация мира является уже оформленным продуктом культуры, который может и блокировать творческие процессы, связанные с осмыслением качественно новых явлений в науке или с созданием художественных образов в искусстве. Самая простая модель, разрешающая это противоречие, состоит в том, что вначале происходит образование некоего концепта или предчувствие истины как становление ещё неявной, нечёткой идеи, которая потом получает языковое оформление в форме внутренней речи. Однако мы полагаем, что процессы творческого характера более глубоки и сложны.

Концепция психологов относительно образной глубинной памяти заслуживает внимания, иначе как объяснить доречевое, доязыковое мышление А. Эйнштейна? В контексте онтогенеза генетическая программа, которая была реализована немецким физиком, как раз состояла в актуализации, в расшифровке образной, глубинной памяти. Интуитивное «угадывание» может быть результатом образного «послания» из глубин памяти, и кроме переживания этого процесса или предчувствия истины учёный ничего не может об этом сказать до актуализации, т. е. раскодировки, математического и экспериментального обоснования. Образ как когнитивная доминанта вначале переживается личностью, а затем из сферы переживаний генерируются когнитивные и научные стратегии, т. е. ощущение верности общего направления исследований. Следующий этап предполагает процессы креации, появление или «рождение» качественно новых идей.

Сознание можно понимать и как осознание личностью своего информационно-энергетического потенциала, так как оно (сознание) связано не только с константой рефлексивного характера как устойчивого «фона», сопровождающего возможные виртуальные формы или сценарии активизации сознания в рамках внутреннего диалога, но и с эмоционально-чувственным переживанием этого потенциала, который, активизируясь, реализуется в возможных сценариях творческого мышления. Подобный информационно-энергетический потенциал, являясь по своей природе

виртуальным, не может обладать какими-то объективными свойствами (и его невозможно описать в качестве объекта), поэтому мы прибегаем опять к символу. Таким символом может быть понятие хронотопа. Хронотоп символизирует сознание, в котором отражается амбивалентная связь временных и пространственных отношений как соотношение темпоральных и топологических его особенностей при перенесении фокуса сознания на усвоение или понимание культурных смыслов. Другими словами, хронотоп характеризует особенности личностного сознания, которое переносит свой фокус (направленность или интенциональность) с одного текста культуры, где заложен смысл, на другой.

Однако хронотоп есть только один из параметров или моделей исследования сознания. Другой составляющей является аксиологическая матрица, генерирующая форму смыслов. Сложность определения этой матрицы обусловлена тем, что она – результат личностного, индивидуального опыта, который для творческой личности длиною в жизнь.

Процесс саморазвития духовного мира такой личности и, соответственно, развёртывания творческого потенциала показывает и доказывает ценностный потенциал творческой свободы как необходимое условие развития процесса творчества. Осознание смыслового и ценностного потенциала свободы есть условие становления свободной, а значит творческой личности. Таким образом, аксиологическая матрица представляет собой относительно устойчивую систему принципов мировоззренческого уровня (знаний как результата жизненного, научного, художественного и другого опыта, получивших статус убеждений личностного характера), однако у творца становление, развитие системы ценностей сопровождается кризисом, распадом, переоценкой на основе нового жизненного опыта, новых ценностных установок. Эти кризисы создают необходимое творческое напряжение, усилие творческого поиска в целях генерирования новых креативных форм, соответствующих новым реалиям. Аксиологическая матрица претендует на статус центральной системообразующей составляющей сознания, вне которой невозможно осознание значимости смыслов и свободы как фундаментального принципа творчества, хотя иерархия или структурность в отношении сознания всегда условна, некорректна. Скорее всего, речь может идти о доминантах в сфере сознания, поэтому ценностная матрица может генерировать подобную временную доминанту или доминирующий момент многомерного противоречивого единства, способного выявлять качественно новые смыслы. Если эти смыслы наполнены существенным аксиологическим содержанием (как результатом оценочного отношения субъекта или

его творческого выбора), то личность получает кроме осознания смысловой значимости ещё и энергетический, волевой потенциал – мотивацию к творчеству, творческое вдохновение или экзистенцию творческой свободы.

Аксиологическо-смысловая матрица с рационально-логической доминантой будет представлять «ядро» научного сознания, причём если речь идёт о сознании, то эта символическая структура может рассматриваться только в контексте возможности. Возможность превращается в действительность тогда, когда эта матрица активизируется, т. е. сознание (как потенциал, как возможность) превращается в мышление. Процесс мышления характеризуется возникновением функционально-структурной доминанты временного и виртуального характера, которая представляет «фокус» сознания на предмет или объект исследования или то, что в феноменологии принято называть интенциональностью. Безусловно, такой процесс сопровождается аффектами, переживанием, творческой мотивацией, активизацией научного интереса.

Таким образом, проблемность в исследовании сознания объясняется тем, что «масса покоя» сознания равна нулю. Сознание неуловимо как объект, так как речь идёт о потенциале, о возможных вариантах решения творческих задач. «В целом же, – отмечает В. Молчанов, – любая теория сознания, уже хотя бы потому, что создаётся не без участия человеческого сознания, соответствует определённому аспекту человеческого бытия. Теория отражения, активизм, интенциональность как “имманентная предметность”, интенциональность как функционирующее смыслопридание, сознание как ментальная деятельность мозга, сознание как усмотрение сущностей и ценностей и т.д. – каждая из этих теорий так или иначе затрагивает отношение человека и мира, однако далеко не каждая заботится о своём самообосновании, что как раз подразумевает аналитику осуществляемого сознанием опыта»⁵. Процесс осуществления подобного опыта сознанием есть мышление, которое всегда содержательно, наполнено существенными параметрами предмета или объекта исследования. Если сознание определять как субъективный образ объективного мира, то образ как некая форма единства (которая используется в художественном творчестве) тяготеет к пространственным формам, где о сознании говорить некорректно. То же самое относится к рационально-логическим формам, посредством которых принято описывать процессы научного мышления, уже имеющие содержание. Тем не менее сознание можно моделировать посредством символов (концепция М. К. Мамардашвили и А. М. Пятигорского) или посредством объёмного, многомерного противоречия (или многомерных противоположностей, находящихся в относитель-

ном балансе), где возможные формы разрешения находятся в свёрнутом виде, как потенциал творческой свободы, обладающий большим количеством возможных форм разрешения. Эта модель оперирует категорией возможности, а не реальности, причём структура такого противоречия «заряжена» на динамику, на активность посредством категорий возможности, вероятности, действительности, реальности (действительность, например, виртуальная, не всегда представляет реальность). Вероятность обозначает степень актуализации одной из степеней свободы, получающей (с долей вероятности в зависимости от условий, предпосылок) статус необходимости.

В итоге можно сделать следующие выводы: сознание можно определить в контексте категорий «возможность», «вероятность», «готовность» осознанного личностью потенциала культуры к реализации познавательного, аксиологического, методологического характера, а в контексте свободы – как её потенциальную проекцию на реализацию творческого замысла. Это сфера возможности, вероятности, но не действительности имеет материальную, субстратную основу, без которой

сознание невозможно, но в рамках которой природе сознания исследовать бессмысленно. Процесс реализации потенциала культуры как творческого замысла – это уже не сознание, а мышление – активность сознания, наполняющегося содержанием объекта или предмета исследования, на их содержание нацелен «фокус» сознания. Сферу возможности немислимо описать в понятиях, отражающих действительность, поэтому прибегают к символизации сознания.

Примечания

- ¹ Павлова Е. Д. Сознание в информационном пространстве. М., 2007. С. 27.
- ² Мамардашвили М. К., Пятигорский А. М. Символ и сознание (метафизические рассуждения о сознании, символическом и языке). М., 2009. С. 64.
- ³ Вергеймер М. Продуктивное мышление. М., 1987. С. 263.
- ⁴ Гостев А. А. Психология вторичного образа. М., 2007. С. 9.
- ⁵ Молчанов В. И. Исследования по феноменологии сознания. М., 2007. С. 299.

УДК 130.3:612

ПРОБЛЕМА ПРИРОДЫ «Я» В РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

Е. М. Иванов

Саратовский государственный университет
E-mail: ivanovem@info.sgu.ru

В статье критически рассматриваются концепции «Я», изложенные в работах Н. Лосского, С. Л. Франка и Л. Лопатина. Изложены аргументы против идеи трансцендентности «Я» по отношению к феноменальному содержанию сознания, содержащейся в работах Н. Лосского и С. Франка. Поддерживается позиция Л. Лопатина, предполагающая имманентность «Я» содержанию сознания.

Ключевые слова: сознание, Я, русская философия, индивидуальность.

The Problem of the Nature of «Self» in Russian Philosophy

E. M. Ivanov

In article the concepts of «self», stated in works of N. Lossky, S. Franc and L. Lopatin are critically considered. Arguments against the idea of transcendence of «self» in relation to the phenomenal content of the consciousness, contained in N. Lossky and S. Frank's works, are stated. The position of L. Lopatin, assuming immanence of the «self» to consciousness contents, is supported.

Key words: consciousness, the self, Russian philosophy, personality.

Проблеме природы «Я» русские философы уделяли большое внимание. Весьма подробно разработанная концепция «Я» содержится в главном психологическом труде С. Франка «Душа человека». Г. Шпет посвятил этой проблеме объемную статью «Сознание и его собственник». Определенную концепцию «Я» мы находим у Н. Лосского и Л. Лопатина.

Все авторы согласны с тем, что термин «Я» есть обозначение некоего фактора, обеспечивающего единство индивидуального сознания. «Единство переживаний есть во многих отношениях удовлетворительная характеристика я как эмпирического единства, или <...> единство сознания» – пишет Шпет¹. В статье С. Алексеева, написанной для энциклопедического словаря Брокгауза и Эфрона, читаем: «Я (ego) – обозначает сознаваемое каждым человеком единство собственного индивидуального существования. Так как в этом единстве соединяется в одно целое